

Левон Акопян, музыковед, доктор искусствоведения, автор книг о русской музыке 20-го века

1. *С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?*

Будучи музыковедом, то есть человеком, пишущим о музыке, я не создаю новых ценностей. Поэтому правильнее было бы говорить не об отождествлении с какой-то традицией, а о том, какой традиции русской культуры или, точнее, русской музыки я больше всего симпатизирую. Это в своем роде «героическая» традиция, которую принято называть авангардом. Это поколение композиторов, которое в 60-е – 70-е годы создавало настоящую, а не официальную русскую музыку. От этого поколения сейчас в живых остались Софья Губайдулина и Валентин Сильвестров. К тому же «героическому» поколению принадлежали всем известные Альфред Шнитке и Эдисон Денисов.

- Почему вы называете это поколение «героическим»?

От этих людей требовались некоторые героические усилия для преодоления противодействия, хотя сейчас степень их несвободы несколько преувеличивается. Но все-таки им не давали работать, ставили какие-то препятствия, и они добровольно соглашались преодолевать эти препятствия и тем самым усложняли себе жизнь. Они предпочли создавать подлинную культуру, хотя легко могли остаться в рамках псевдокультуры или делать вещи, которые нравились тем, от кого зависела их творческая судьба.

- Вы считаете, что только эти композиторы создавали подлинную культуру? Никого из их современников вы не ставите в тот же ряд?

Принято считать, что вся подлинная культура в 60-х – 70-х годах у нас в стране была подпольной. По отношению к музыке это неверно. Были и другие выдающиеся композиторы, которые получили официальное признание. Например, Щедрин – вполне официальный автор, но талантливый композитор. Или Свиридов, тоже вполне официальный, но прекрасный композитор, принадлежавший к старшему поколению. Наконец, Шостакович, один из самых крупных художников 20-го века – несомненно, композитор официальный. Если говорить о традиции, к которой я испытываю наибольшую симпатию, то это такая главная традиция, которая идет от Шостаковича к Денисову, Губайдулиной, Шнитке и Сильвестрову. Я думаю, что при всех различиях они принадлежат к одной традиции. Поэтому мои главные работы последних лет – это книга *Музыка советской эпохи*, выпущенная в Стокгольме на английском языке несколько лет тому назад, и книга о Шостаковиче, которая готовится к печати.

-Теперь, когда для общения с этой музыкой героических усилий не требуется, вы по-прежнему оцениваете творчество этих авторов как крупное достижение русской культуры?

Конечно, оценки как-то скорректировались самой жизнью, и стали видны недостатки. Многие из «неофициальных» композиторов позднее начали повторяться, эксплуатировать какие-то свои находки, начали работать, если не в коммерческом духе, то, во всяком случае, твердо зная, чего от них хотят. Но в свое время эти люди были личностями героическими. Я считаю, что это будет важно даже тогда, когда достижения многих из них поблекнут и не будут восприниматься так живо, как это было еще недавно. Что касается Губайдулиной и Сильвестрова, то тут мои оценки не изменились. Это, действительно, фигуры мирового масштаба.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Наверное, все-таки в искусстве и культуре вершинными эпохами являются те, в которые свободное творчество сопротивляется какому-то давлению. Поэтому одной из вершин была советская эпоха, но не в своем «соцреалистическом» проявлении. Я имею в виду ту побочную культуру, которая пробивалась, несмотря ни на что. Это линия, которая идет от Осипа Мандельштама до Венедикта Ерофеева в литературе, а в живописи – от Павла Филонова до Роберта Фалька и Леонида Пурьгина. Это искусство, которое требовало определенного героизма для своего существования.

- Для вас творчества без героизма, кажется, не существует?

Как показывает опыт, при отсутствии сопротивления культура часто хиреет и не выдает всего, на что способна. Меньше всего я хотел бы уподобиться многочисленным доморощенным хулителям западной культуры, которая якобы в слишком комфортных условиях развивается чересчур свободно и не дает духовных ценностей. Но подозреваю, что это суждение по крайней мере не совсем ложно.

- Что касается русской культуры, то в ней эпох спокойных, без сопротивления чему-либо, кажется, было не много?

Действительно, со времен протопопы Аввакума – сплошной героизм. Поэтому, наверное, от русской культуры исходит какое-то свечение, которое заставляет весь мир эту культуру ценить по-особенному. Как известно, в России не только поэт больше, чем поэт, но и композитор больше, чем композитор, и художник больше, чем художник. Может быть, к сожалению, но это правда.

- Итак, вы не находите близких вам авторов в эпохах, не отмеченных знаком откровенного героизма?

У меня много любимых авторов. Это и Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь, и Лесков. Я очень люблю Розанова. А из музыкантов для меня самым выдающимся композитором остается Стравинский. Тоже, кстати, художник героический.

- Каким же образом Стравинский выбился в герои?

Сейчас пошла мода даже среди очень серьезных ученых упрекать Стравинского в антигуманизме. Действительно, «Весна священная», «Свадебка» – вещи в определенном смысле антигуманистические. И многие критики, в том числе известный американский музыковед, специалист по русской музыке Ричард Тарускин, упрекают Стравинского в том, что его искусство принижает личность за счет коллектива. Или возвышает коллектив за счет личности. Для того, чтобы открыто исповедовать такую идеологию, нужен был определенный героизм. Стравинский первым пошел на это. Я думаю, это не заслуживает осуждения. Ведь это вековая мудрость, которая именно в музыке Стравинского нашла свое музыкальное воплощение. По-моему, это своего рода героическая акция с его стороны: пойти против традиции гуманизма, которая утверждала себя в европейском искусстве несколько веков.

- Но ведь Стравинский взывает к древней русской традиции, которая отнюдь не всегда была гуманистической?

Я думаю, что он нарушил также и русскую традицию, обратившись к абсолютному язычеству. Ведь традиция, наследником которой был Стравинский, является христианской, православной. И его героизм заключался как раз в том, что он стремился раздвинуть рамки и заглянуть за горизонт, куда другие не решались заглядывать.

3. Как сказались на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Мы стали жить лучше, но интересного вокруг стало меньше. Я имею в виду духовные ценности. Все стало очень легко. А для тех, кому нечего особенно сказать, появились безграничные возможности высказываться. Так происходит во всем мире, не только в России, которая ныне перестала быть обособленным государством и стала частью остального мира. Личности измельчали, творчество стало слишком простым делом и тоже как-то измельчало. Правда, людям всегда бы-

ло свойственно думать, что их время хуже, чем прежнее. Возможно, через 20-30 лет нынешнее время будет восприниматься как самое духовное.

- Но могут ли крупные личности, если они есть, так уж измельчать?

Вообще-то могут. Если брать музыку серьезных направлений, которая сейчас создается не только в России, но и во всем мире, то старая гвардия еще держится, а новых гениев нет. Или мы о них узнаем позже. Во всяком случае, в сфере академической музыки ничего потрясающе нового я не могу назвать. Есть хорошие композиторы, но это не тот класс.

- Вам кажется, что природа оскудела? Разве такое может быть?

Почему же не может быть? Времена подъема и спада постоянно чередуются. И опять все тот же принцип: культура становится интереснее, когда творческим людям приходится преодолевать сопротивление.

- Теперь творить легко, и в этой легости растворяется талант?

Талант – это только один аспект творческой проблемы, второй аспект – характер. Талант, может быть, остается, а характер не выковывается.

- Может ли компьютер быть преградой к большому творчеству? Не отвлекает ли он слишком много внимания и энергии у новых композиторов, выполняя за них определенную работу?

Когда появилось кино, думали, что умрет театр, но театр не умер. Когда появилось телевидение, стали хоронить кино, но оно не умерло. Когда появился компьютер, стали говорить, что литература, живопись и музыка в прежних формах невозможны и нежизнеспособны. Но я не уверен, что это именно так.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Думаю, что нет, и надеюсь, что нет. Новый лидер – это чисто политическая фигура. И, слава Богу, он в культуру не вмешивается.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Я думаю, что большинство ответят на этот вопрос так: не восстанавливается и нуждается. Каждый из нас вынужден как-то барахтаться, делать «левую» работу, чтобы выживать. Конечно, хотелось бы получать нормальную зарплату на основной работе, и это была бы государственная опека культуры, если говорить об опеке в нормальном смысле. Тогда бы нам не пришлось тратить свою энергию на переводы, на частных учеников и прочее. Ведь это и раздражает, и совершенно непродуктивно.

- Но вы считаете, что деятелям культуры необходимо преодолевать какое-то сопротивление. Не потеряют ли они форму, оказавшись в вольготных финансовых условиях?

Резонный вопрос. Но поскольку восстановление государственной опеки у нас сейчас вещь абсолютно нереальная, то мы сопротивляемся и в конце концов не жалуемся. Приведу в пример себя самого. В результате этого сопротивления я издал свой русский перевод *Музыкального словаря Гроува*, написал несколько книг. Это все моя «левая» работа, и, как выясняется, бесполезная. Я думаю, что если я чего-то не успеваю, то, значит, не так уж это важно. А то, что важно, я надеюсь успеть сделать. Конечно, в последнее десятилетие многие расстались со своей профессией, но многие, как ни странно, не собираются расставаться.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Это интересный вопрос. Дело в том, что принято противопоставлять элитарное народному. Или элитарное – массовому. Я считаю, что такое противопоставление абсолютно ложно. Элитарность и народность это не антонимы. Элитарность, с моей точки зрения, это скорее отрицательная характеристика. Подлинным антонимом элитарного это не народное, а аристократическое. Такого разграничения не проводят, а жаль. Русская культура как раз дает нам хороший пример. Барин и мужик всегда понимали друг друга. Недаром великие русские художники Пушкин, Толстой, Стравинский, Мусоргский – аристократы по рождению и народные творцы по духу. А элита это некое случайное сообщество, объединенное каким-то интересом, некая маргинальная культура.

- Существует ли сейчас элитарная культура?

Конечно. Скажем, есть такой композитор Виктор Суслин, живущий ныне в Германии. Он хочет опровергнуть творчество Шостаковича. Он говорит, что Шостакович умел делать банальности на высочайшем профессиональном уровне и находит в Шостаковиче плебейские добродетели. Именно так рассуждает обычно

элитарный человек. Суслин не аристократ, поэтому он считает Шостаковича плебеем. Аристократ никогда не стал бы так говорить о другом художнике, а Суслин именно «человек элиты». Культура ему подобных эпигонов большого авангарда начисто лишена аристократических доблестей. И потому это культура для немногих.

- Часто с понятием «народность» связывают фольклор и прочие народные традиции. Возможно ли сейчас об этом говорить?

Эта часть культуры, которая не исчезнет никогда. Может быть, она приобретает ныне иные формы, как-то дробится, мельчает, но исчезнуть не может, потому что она глубочайшим образом запечатлена в языке. И это гораздо глубже, чем все поверхностные наслоения, глубже, чем даже христианство. Язык – это самый глубинный слой. Он остается навсегда в поговорках, пословицах, анекдотах, устойчивых словосочетаниях.

- А что произошло в последние 10 лет? Изменились ли как-то ваши представления о народности и элитарности или, лучше сказать, аристократичности?

Эпоха свободы всегда неблагоприятна для проявления аристократических доблестей. На смену аристократическому приходит элитарное, на смену народному массовое. Причем народное и массовое соотносятся друг с другом так же, как аристократическое и элитарное. А вот элитарное и массовое это две стороны одной медали. Просто одно для немногих, а другое для многих. Например, композитор Суслин и эстрадная певица Маша Распутина, конечно, существуют на разных планетах, но и то, и другое – однодневки. А народное и аристократическое искусство живет, это почва, на которой растет все остальное.

- А массовое искусство эту почву не уничтожает?

Это, конечно, сильное оружие, которое действует на культуру разрушительно. Массовое искусство существует как будто бы для всех. Но мне кажется, что желательно от этого отгородиться и не быть как все. Или, будучи как все, стараться не быть уж совсем всеядным. Остается надежда на то, что рано или поздно все приедается. Со временем бактерии становятся привычными и перестают вызывать тяжелые болезни. Может быть, бацилла массовой культуры тоже потеряет свою вредоносность. Надо подождать.

- А осталось ли место высокому искусству и где оно теперь скрывается?

Как сказал Маяковский, если есть пара хороших рифм, то только в Венесуэле. Я цитирую неточно. Где-нибудь в мире, может быть, и есть высокое искусство, может быть, даже поближе, чем в Венесуэле. Синусоида развития сейчас идет вниз, потом пойдет вверх.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Раз уж я встал на этот путь, то есть оказался представителем довольно редкой и в глазах многих людей довольно бессмысленной профессии музыковеда, то могу рассматривать свою деятельность как некую миссию. Скажем, по заполнению пробелов в образовании людей. Мне удалось издать Словарь Гроува на русском языке, содержащий массу новой информации. Я собираюсь делать большую энциклопедию музыки 20-го века. Я пытаюсь говорить о сложных вещах простым языком, то есть заниматься просветительской деятельностью. От чистого теоретизирования, пожалуй, все устали, и думаю, что оно уже утратило смысл. Почему в Советском Союзе была такая сильная музыковедческая школа? Музыковедение как наука скромная и не очень идеологизированная была точкой приложения для многих независимых умов. Когда возникла некая свобода, этот момент утратил актуальность. Сейчас интереснее делать вещи более понятными, чем заниматься чистым теоретизированием по поводу высоких материй на сыром материале музыки.

- Неужели жизнь «чистой науки» вас уже не волнует?

Волнует. Но в меру. В последние годы я понял, что кроме чистой науки в современной жизни нужно делать что-то еще, более понятное для широкого круга людей.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Большое влияние оказывает, и думаю, что скорее положительное. По крайней мере, я приветствую такое влияние. Не стоит опасаться глобализации, поскольку исконная природа русской культуры сохраняется в структурах языка и мышления, и ее никакая глобализация не нарушит. А различные влияния с разных сторон только обогащают культуру. Так было всегда. Разве Пушкин не был космополитом в определенном смысле? Он тоже принадлежал в своем роде к глобализированной культуре. Он был глобализирован не меньше, а может быть, даже больше, чем нынешние деятели культуры. Ведь что такое глобализация? Это вписанность в мировой контекст и подверженность влияниям со всех сторон. В этом

смысле нынешняя русская культура мало отличается от пушкинского времени. И Пушкин был гражданином мира.

- А нет ли опасности в том, что нам навязывают стандартные формы культурной жизни?

Если говорить о массовой культуре, то она изначально живет теми формами, которые существуют во всем мире. Ничего нового мы не придумали. Ничего особенного у нас и не было. Просто массовая культура была взята в готовом виде и перенесена на нашу почву. Мне кажется, глобализация не затрагивает чего-то глубинного, но делает нашу жизнь отчасти удобнее. Символом глобализации стал Макдональдс, но что в этом плохого? Конечно, плохо то, что наше телевидение, создаваемое по западному образцу, стало выхолощенным и очень глупым. А что еще? Я не вижу других симптомов. Тех, кто не смотрит телевизор и не ходит на массовые сборища, процесс глобализации не очень-то касается. Появилось много иностранной рекламы или иностранные заимствования в языке, но структур языка и мышления это не коснулось. Ничего серьезного не произошло.

- Что положительное вы усматриваете в этом процессе?

Стало легче жить. Бытовая культура — а это, как известно, часть общей культуры — явно выросла. Стандарты жизни поднялись. Появилась вежливость в отношениях людей, чего не было раньше.

9. Сложились ли в России новые взаимоотношения церкви и государства, и как это сказывается на русской культуре?

На этот вопрос я не могу отвечать. Я родился и вырос не в православной среде, но и к армянской церкви не имею никакого отношения. При этом я ни в коем случае не атеист. У меня много друзей, которые связаны с церковью, но они в этом смысле сами по себе, а я сам по себе. Единственным моим соприкосновением с этим миром были две статьи для издающейся сейчас большой *Православной энциклопедии*. Раньше, конечно, нельзя было себе и представить, чтобы издавалась такая энциклопедия и чтобы она продавалась во всех магазинах. Теперь мало того, что печатают такие книги, но еще и заказывают статьи об армянской средневековой музыке такому человеку, как я. Наверное, новые взаимоотношения церкви и государства как-то складываются. Раньше государство подавляло церковь и подчиняло ее себе. Сейчас государство и церковь находятся в некоем симбиозе, но на людях, стоящих в стороне, это никак не сказывается.

- В последнее время появилось много произведений искусства на церковную тему. Как вы оцениваете это околоцерковное творчество?

Мне скучно. Музыканты и художники, которые до 1991 года ни о чем таком не помышляли, теперь стали творить нечто церковное, окрашенное в православные цвета. Это вызывает ироническую реакцию. Больше мне нечего добавить, тем более, что музыка православной церкви строго канонична и жестко ограничивает свободу композиторского творчества. Возможности для появления нового крайне ограничены, а мы привыкли искать в искусстве чего-то нового. Поэтому мне это не очень интересно.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Конечно, завершился большой период, связанный с существованием эпохи советской культуры, советской цивилизации, которая дала, подчас вопреки воле своих творцов, много выдающегося в культуре и искусстве. Окончание этой эпохи связано с гигантским переломом, как в политической, так и в культурной жизни. И, наверное, можно говорить о новых тенденциях. Кто-то называет это наступлением постмодернизма, а я называю это внезапно возникшими гигантскими возможностями для тех, кому нечего сказать. И за всем этим новые глубинные и серьезные тенденции не очень-то просматриваются. Нужна дистанция, чтобы понять, куда все движется. Это происходит и в мировом масштабе. Ведь в искусстве и в культуре всегда ценятся одни и те же вещи: во-первых, отточенное мастерство, умение делать все в рамках, поставленных самому себе, а во-вторых, некая доблесть, преодоление трудностей, что производит впечатление даже на тех, кто не очень разбирается в деталях и не очень готов к восприятию искусства. Думаю, это всегда будет цениться, какие бы новые тенденции не появились.

- А если вдруг родится новый Леонардо да Винчи, его творчество сразу разглядят или для этого тоже потребуется время?

Конечно же, сразу. Но Леонардо да Винчи не родится, потому что время сейчас другое. Но, с другой стороны, построили же недавно в Норвегии мост по проекту, найденному в бумагах Леонардо. Это абсолютно современное строение, очень изящное, с округлыми линиями. Я думаю, если эквивалент Леонардо да Винчи с поправкой на современную ситуацию появится, то он будет сразу всеми замечен.

- Может быть, сейчас и не время большой культуры, большого искусства? Может быть, наступило время новых технологий, и это поглощает и умы и таланты?

Может быть, сейчас не время для творчества в тех формах, которые бытовали в прошлом. Но время для масштабного творчества существует всегда. И критерии для оценок такого творчества все равно одни и те же. Фрейд объяснял все в человеке сексуальным инстинктом, Ницше – волей к власти, Маркс – голодом. Мне кажется, стимул творческого поведения – это стремление показать себя, открыть себя миру. Это инстинкт самодемонстрации, не менее важный стимул, чем воля к власти, голод или секс. Мне кажется, это вечный инстинкт человечества, который будет побуждать людей к творчеству. Не будем делать прогнозы, которые никогда не сбываются, но будем надеяться: вероятно, еще на нашем веку появится нечто, что заставит нас ахнуть и ощутить снова веру в потенциал человечества, творческий потенциал homo sapiens.